

С.В. Сопленков

Восточные общества и Россия в историко-философской концепции А. Смита

На основании конспектов «Лекций по юриспруденции» Адама Смита и других источников реконструируются представления мыслителя о путях развития восточных обществ и России, а также прослеживается влияние этих идей на российскую общественную мысль второй половины XVIII в. (на примере произведений С.Е. Десницкого и И.А. Третьякова).

Ключевые слова: А. Смит, «Лекции по юриспруденции» А. Смита, историко-философская концепция, критика восточного деспотизма, С.Е. Десницкий, российская общественная мысль о Востоке, восприятие идей А. Смита в России.

Каковы закономерности общественного развития народов Востока и Европы? В чем заключаются различия между положением подданных восточных и европейских государств, и каковы должны быть ориентиры общественного и экономического развития? По какому пути –

европейскому или азиатскому – развивается Россия? Ответы на эти вопросы, затрагивавшие фундаментальные принципы взаимоотношений государства, общества и личности, искали многие представители европейской историко-философской и экономической мысли. Свои ответы на них дал и А. Смит.

Востоковед, обратившийся к «Исследованию о природе и причинах богатства народов» А. Смита (1776; далее по тексту – «Исследование») с целью понять представления шотландского мыслителя о Востоке, сталкивается с определенными трудностями. Широко известно, что Смит подвергал жесткой критике деятельность Британской Ост-Индской компании, на страницах его труда неоднократно встречаются упоминания об Индии и Китае, очевидно, что Смит осуждал восточный деспотизм. Однако при сопоставлении с сочинениями французских мыслителей той эпохи – «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье или коллективного труда французских энциклопедистов во главе с Д. Дидро с указанием авторства аббата Рейналя («Философская и политическая история учреждений и торговли европейцев в обеих Индиях»; 1770) – может возникнуть впечатление, что у Смита не сформировалось оригинального видения восточных обществ, и его суждения об Индии и Китае – это всего лишь примеры для иллюстрации собственного экономического учения, фрагменты, не складывающиеся в цельную картину представлений о Востоке.

О том, что это первое впечатление обманчиво, говорили выводы специалиста по историко-экономической проблематике А.М. Петрова. По его мнению, критика воззрений физиократов в IV книге «Исследования», по сути, является критикой экономической модели восточных обществ, поскольку физиократы в качестве образца для подражания выбрали Китай [см. 31, с. 146]. Само по себе грамотное построение этой критики требовало от Смита знаний о восточных обществах. И вполне определенная система представлений о Востоке у мыслителя действительно сложилась.

Дело в том, что для самого Смита «Исследование» было частью задуманного им грандиозного (в духе энциклопедизма эпохи Просвещения) научного проекта, «философского триптиха» [2, с. 174; 42, с. 32]. «Теория нравственных чувств» (1759) трактовала межличностные отношения между людьми в частной жизни, «Исследование» объясняло человеческую деятельность в экономической сфере, третье сочинение Смит предполагал посвятить теории государства и права, анализу взаимоотношений личности и государства. Более того, планировалась и четвертая книга с общим обзором истории наук и искусств. Таким образом, Смит замыслил

создать цельную философскую и социологическую концепцию глобального масштаба.

Проект так и остался незавершенным. Перед смертью Смит распорядился уничтожить рукописи своих неопубликованных трудов, однако в 1895 и 1959 гг. в Британии были обнаружены студенческие записи лекций по юриспруденции шотландского мыслителя. Изначально лекции были записаны скорописью (естественно, с определенными лакунами), а затем – переписаны набело, поэтому до нас дошли не обрывочные конспекты, а полноценные тексты, где сохранены особенности авторского языка (в наиболее полном виде дошли обнаруженные в XX в. записи 1762/63 учебного года). Британские публикаторы отмечают, что в ту эпоху рукописные копии конспектов лекций популярных профессоров зачастую продавались в книжных магазинах [41, с. 6–7] (жизнь иностранных, а также состоятельных, но нерадивых студентов этим значительно облегчалась). Таким образом, идеи Смита получили распространение задолго до выхода в свет его «Исследования». Для отечественного историка содержание этих лекций тем более интересно, что их слушателями были два российских студента – С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков, направленные в 1761 г. Академией наук для обучения в университет г. Глазго и в 1767 г. получившие там степени докторов права. Они были лично знакомы со Смитом [39, с. 255; 44, с. 158–159]. Его ученик, профессор гражданского права Джеймс Миллар, фактически осуществлял руководство научной деятельностью Десницкого и Третьякова [39, с. 253]. В результате они были прекрасно осведомлены об идеях шотландского мыслителя.

Нам предоставляется возможность проникнуть в творческую лабораторию мыслителя, проследить процесс взаимодействия британской и российской экономической мысли XVIII в., и ответить на ряд вопросов. Во-первых, какое понимание восточных обществ характерно для Смита? Во-вторых, что из этого Десницкий и Третьяков в свою очередь смогли донести до отечественного читателя?

На первый взгляд, курс лекций по юриспруденции имеет весьма отдаленное отношение к историко-философской или экономической мысли. Однако век энциклопедизма диктовал совершенно иной подход к изложению материала по сравнению с юридической наукой в наши дни. Само понятие «юриспруденция» Смит трактовал предельно широко – как учение о принципах управления обществом. В начальной лекции курса он провозглашал: «Первая и самая главная задача любой системы правления – установить правосудие (*justice*), то есть предотвратить покушения членов общества на собственность друг друга или присвоение ими того,

что им не принадлежит» [46, с. 5]. Таким образом возникала необходимость рассказать слушателям о формах правления и о формах собственности. По сути, это были лекции по истории и философии государства и права (вероятно, они и должны были составить основу той самой третьей части «философского триптиха» Смита). Да и позже, в XIX в., российский политэконом А.К. (Г.) Шторх, в своих рассуждениях во многом следовавший за Смитом (по курсу Шторха обучался в 1813 г. великий князь Николай Павлович, будущий император), называл политическую экономию «философией истории» [35, с. 16–17], т.е. в ту эпоху политическая экономия воспринималась как своего рода историко-философское осмысление экономики.

Структура лекционного курса была выстроена следующим образом. Смит говорил о том, что человек существует в трех ипостасях: как индивидуум, как член семьи и как гражданин [46, с. 7]. Соответственно, в первой части лекционного курса («О юстиции») выделялись три раздела: частное право, семейное право (здесь в соответствии с традицией римского права, когда рабы считались членами *familia* их владельца, Смит рассматривал социальные отношения в обществе), гражданское право.

Однако самое важное начиналось во втором разделе – о внутреннем управлении (лектор использовал термин «полиция» [*police*], объясняя, что в древнегреческом языке слово «полития» означало принципы управления государством). Вкратце упомянув, что задачами внутреннего управления являются поддержание общественного порядка и благоустройство территории страны, Смит, как всякий ученый, переходил к рассказу о том, что было интересно ему самому – об экономике. Он объяснял слушателям: задача правительства – обеспечение подданных необходимыми жизненными припасами по возможно более низким ценам. Как добиться этого? И далее следовал долгий рассказ о разделении труда (уже в 1763 г. прозвучал знаменитый пример о булавочном производстве) и о том, что разделение труда предопределяет увеличение количества товаров и более низкие цены. Смит подходил к формулированию закона стоимости, говоря о различии между «естественной ценой» (*natural price*), т.е. стоимостью товара, и его «рыночной ценой» (*market price*) [Там же, с. 357–366], рассуждал о функциях денег, подвергал критике теории меркантилистов, торговые монополии и деятельность Ост-Индской компании.

Как уже догадался читатель, многие фрагменты лекций «по юриспруденции» с определенными изменениями Смит позже включил в «Исследование». Основы экономического учения Смита были известны студентам университета Глазго более чем за десятилетие до выхода в свет книги.

Записи лекций 1762/63 учебного года на этом обрываются, однако по более краткой рукописи, датированной 1766 г., известно, что в лекционном курсе по юриспруденции были еще два раздела – об армии и о международном праве [46, с. 542–554].

Речь на лекциях велась не только о Британии. Смит, как и другие мыслители XVIII в., стремился выявить универсальные принципы развития человечества, поэтому часть его рассуждений посвящена Востоку.

Британские публикаторы «Лекций по юриспруденции» установили, на какие труды ссылался Смит в своем курсе [Там же, с. 591–596] (естественно, круг его чтения был гораздо шире). Рассказывая о Востоке, он использовал следующие источники информации: сочинения античных авторов (Страбон, Николай Дамасский и др.); переводы восточных источников (есть упоминание о сочинении хивинского хана и историка XVII в. Абулгази «Родословное древо тюрок», английское издание 1729–30 гг.), труды востоковедов и записки о путешествиях на Восток (Э. Кемпфер «История Японии», английское издание 1727 г.; Ж.-П. де Турнефор «Реляция о путешествии по Леванту», английское издание 1718 г. и др.).

Для данного исследования представляет интерес и такая деталь. В первом европейском лейденском издании сочинения Абулгази (1726 г.) помещены развернутые постраничные примечания. Их составил шведский офицер Бентинк, оказавшийся в ходе Северной войны в русском плену. В примечаниях содержалась информация о России и о восточных народах, обитавших по соседству с ней, а также на ее территории. Эти примечания, где Российское государство характеризовалось как деспотическое и приводились сведения о тяжелом положении в России крепостных крестьян, необеспеченности прав землевладения, заинтересовали Монтескьё. Возможно, эта же информация позже привлекла внимание Смита и повлияла на его суждения о России и о Востоке [21, с. 33; 27, с. IX].

Заметное влияние на представления мыслителя о восточном деспотизме оказала античная философская традиция, в частности, труды Платона («Государство») и Аристотеля («Никомахова этика», «Политика»). Кроме того, Смит изучал сочинения меркантилистов (Т. Мэн), современную ему политическую и философскую литературу (Ш.-Л. Монтескьё, «Энциклопедия» Дидро и Д'Аламбера, Вольтер, Д. Юм, Дж. Локк и др.), где уже сформировались определенные подходы к осмыслению модели развития восточных обществ.

Профессиональная деятельность и даже круг общения Смита способствовали этому интересу. В университете Глазго существовала кафедра восточных языков [44, с. 224–225, вклейка], и Смит, занимавший ряд административных постов, вероятно, был осведомлен о ее работе. Позже, в 1772 г., он

был представлен руководству Ост-Индской компании и рассчитывал получить назначение на должность в Индии [45, с. 415]. Вместе с тем, в трактовке восточных обществ шотландский мыслитель во многом следовал за идеями французских Просветителей, прежде всего – Монтескье.

В лекциях не было специального раздела, посвященного Востоку. Отдельными примерами Смит иллюстрировал свои умозаключения, однако за приводимыми им фактами, на первый взгляд, прихотливо выбранными и противоречивыми, стоит цельное понимание восточных обществ. Далее читатель найдет не пересказ этих лекций, а попытку воссоздать систему представлений Смита о восточных обществах и России.

Мыслитель выделяет четыре стадии (эпохи; *Ages*) развития человечества: эпоха охотников, эпоха пастушеская, сельскохозяйственная и коммерческая [1, с. 14–15; 20, с. 60–67; 46, с. 14]. Данная схема исторического развития была сохранена им и в «Исследовании». Сразу же отметим, что, хотя Смит значительно популяризовал эту концепцию развития человечества, раньше него ее применяли другие мыслители и экономисты эпохи Просвещения – А.-Р.-Ж. Тюрго [4, с. 4–5, 15; 17, с. 577–578], Дж. Стюарт, лорд Кэймс (Г. Хоум) [38, с. 271; 43, с. 174–175]. В одно время со Смитом ее использовали шотландский историк У. Робертсон [10, с. 45], а также философ и социолог А. Фергюсон (современники обвиняли его в плагиате у Смита) [44, с. 101, 119]. Под влиянием Смита данную концепцию разрабатывал Миллар, считавший, что сам Смит строил свои рассуждения «...по плану, предложенному... Монтескье» [8, с. 77; 38, с. 269; ср.: 22, с. 244–250, 255–266]. Базой для умозаключений мыслителей эпохи Просвещения служили сочинения античных авторов [14, с. 676, прим. 7 к с. 271]. Каким же образом Смит характеризовал стадии развития общества?

Охотничья эпоха – это первобытность. В поисках пропитания люди вынуждены постоянно перемещаться. На этой стадии зарождается власть вождей [46, с. 213–214]. В таком состоянии пребывают индейцы.

Постепенно общество развивается и вступает в пастушескую эпоху. Теперь у людей формируются представления о собственности (пока только о движимости, поскольку богатство заключается прежде всего в скоте). Именно на этой стадии развития находятся, по мнению Смита, современные ему «дикие», неразвитые народы – арабы, калмыки и «татары»¹ [Там же, с. 15, 213, 229]. Они ведут кочевой образ жизни и не

¹ Под Великой Татарией тогда подразумевалась огромная территория: от северных и северо-западных пределов Китая до Волги и Каспия [25, с. 39–40]; проживавшие здесь народы именовались «татарами».

привязаны к определенному месту обитания, поэтому у них нет представлений о праве частной собственности на землю и любви к родине [46, с. 218]. Отдельные племена охраняют обитаемую ими территорию, однако пастбище принадлежит пастуху лишь до тех пор, пока он пасет на нем скот [Там же, с. 22]. Права кочевого племени на определенный участок территории Смит уподобляет правам зрителя на кресло в театре: после окончания спектакля он покидает свое место [Там же, с. 21]. В рассказе лектора возникает красивый образ: «Араб или татарин будет гнать свои стада по необъятным пространствам, не предполагая, что хотя бы одна песчинка здесь может принадлежать ему» [Там же, с. 460].

В пастушескую эпоху власть вождей укрепляется. Мыслитель отрицает теорию общественного договора, высказывая мнение: власть возникает в результате «естественного прогресса» общества, на основе принципов авторитета (*authority*) и общей пользы (*utility*) [Там же, с. 321]. В примитивных обществах это авторитет более старших по возрасту, более сильных или удачливых. Вожди начинают накапливать богатства и делают власть наследственной, поэтому восточные народы уделяют значительное внимание генеалогии, определяющей порядок наследования власти [Там же, с. 216–217]. Именно здесь Смит ссылается на сочинение Абулгази. Эта ссылка сохранилась и в «Исследовании» [29, с. 305, прим. 1].

В отличие от охотников, кочевники, обладающие значительно большими материальными ресурсами, имеют возможность объединяться в многочисленные орды. Подобно ветхозаветным евреям, арабы, «татары» и калмыки, отправляясь на войну целым «кланом» [46, с. 214, 229], вбирают в орду покоренные кочевые племена, присваивают себе их собственность, поэтому кочевники могут создать огромные армии, объединенные под властью вождей и подчинить себе соседние страны, как это сделали арабы, объединенные Магомедом и его потомками, и «татары» под предводительством Чингисхана и Тамерлана [Там же, с. 214–215, 220].

Если кочевой народ оседает в стране с благоприятными природными условиями и сможет отстоять себя от нападений внешних врагов, то возникает «регулярная форма правления» (государство) [Там же, с. 221]. Кочевники постепенно переходят к оседлому образу жизни и занятиям сельским хозяйством. Арабы и «татары», по мнению Смита, вследствие влияния тяжелых природно-климатических условий застыли на пастушеской стадии развития [Там же].

При характеристике первых двух ступеней человеческой цивилизации мыслитель не отмечает резких различий между Европой и Востоком. Рассказ о «татарах», арабах и калмыках перемежается примерами из жизни древних германцев.

Различия между государствами Европы и Востока становятся ощутимыми на третьей, сельскохозяйственной, стадии. Сравнивая власть римских императоров и восточных царей, Смит отмечает: Римская империя была создана людьми, которые ранее жили, «...подчиняясь законам древнего государства (т.е. республики. – С.С.), и когда они создавали новое (империю. – С.С.), то не в их интересах было отменять те законы, благотворное влияние которых они ощущали сами. Но... [монархии] в восточных странах, все они были основаны татарскими или арабскими вождами. Современные султаны... Моголы и императоры Китая, все они имеют татарское происхождение. Они не обладали пониманием пользы законов, поэтому никогда не задумывались о продлении действия старых или об установлении новых. Их собственная власть была абсолютна, и должностные лица (*magistrates*) или паши, назначенные ими, естественно, приобрели такую же власть над теми, кто находился под их юрисдикцией... Паши и каждое подчиненное им должностное лицо обладают такой же неограниченной властью в своей собственной части империи. Народ живет в самых ужасных условиях, поскольку жизнь и собственность здесь зависят от милости судей (*judges*) самого низкого ранга...» [46, с. 241–242].

После падения Римской империи создавшие на ее территории новые государства «германцы и другие северные народы... имели ту же форму правления, которую до сих пор имеют татары, но в чем-то более развитую; они обладали навыками сельского хозяйства и [осознанием] права земельной собственности, чего те (татары. – С.С.) не имеют» [Там же, с. 244, 460].

Развернутая логика рассуждений Смита реконструируется следующим образом. Европейские государства в эпоху раннего средневековья были созданы на древнеримской культурной и экономической основе варварскими народами, по уровню развития превосходившими азиатских кочевников. Восточные монархии основаны кочевыми народами с примитивным культурным уровнем, не имеющими представлений о праве собственности на землю. Правители восточных держав, вступивших в сельскохозяйственную или коммерческую стадию развития, являются потомками кочевников и управляют своими государствами при помощи методов, не изменившихся со времен кочевнической эпохи.

Показывая различия между восточными обществами и европейской цивилизацией, Смит приводит пример из британской истории. Кромвель, как и римские императоры, сосредоточил в своих руках неограниченную власть, но его правление резко отличается от «военных монархий» Востока, поскольку он оставил в неприкосновенности старые законы,

защищавшие права частной собственности, отменив лишь устаревшие феодальные нормы. В свою очередь Карл II, вернувшийся на престол в результате реставрации королевской власти, подтвердил основные законодательные акты, касающиеся прав собственности, принятые при Кромвеле [46, с. 237]. Даже смена власти не повлияла в этом аспекте на права граждан.

На Востоке сложилась иная ситуация. Там собственность не была обеспечена, поэтому «...не было ничего более распространенного, как закапывание человеком всего, что он имел. В наши дни в Турции и во владениях Моголов (*the Moguls dominions*) почти каждый имеет сокровища, и одна из последних вещей, которые человек сообщает своим наследникам, – то место, где сокровища могут быть найдены» [Там же, с. 25]. Эти сведения почерпнуты Смитом у Ф. Бернье и Монтескье.

Не обеспечена на Востоке и неприкосновенность личности. В Англии действует *Habeas Corpus Act*. На Шотландию он не распространяется, однако местные законы также защищают права человека, находящегося под арестом: арестованный должен предстать перед судом. Смит объясняет: «Все это необходимо для обеспечения свободы в свободных формах правления (*free governments*), но в деспотических правлениях (*despotic governments*) воля должностного лица (*magistrate*) – закон» [Там же, с. 480].

Деспотия, тирания в Османской империи, Персии, Китае, Империи Великих Моголов начинается с частной жизни людей. Данную идею Смигу могли подсказать аналогичные рассуждения о восточных обществах Аристотеля в «Никомаховой этике» (Кн. VIII, 12 [X], 20–35) и Монтескье [22, с. 228]. Причиной возникновения элементов деспотизма на уровне семьи шотландский мыслитель считает полигамный брак. В таких семьях жены находятся в полной власти мужа, между женщинами царствуют неприязнь и взаимная ревность, каждая из жен опасается за будущее своих детей, они лишены общения с внешним миром (причину последнего явления Смит видит в ревности мужей) [46, с. 150–153]. В свою очередь любовь главы семьи к детям, как правило, невелика, поскольку детей в таких семьях много, и каждому ребенку отец может уделять лишь незначительное внимание. Таким образом, внутри полигамной семьи каждый из ее членов обречен на одиночество, семья не становится опорой для человека.

Затем Смит связывает частную жизнь и государственную структуру. Главы таких семейств, терзаемые взаимной подозрительностью, лишены возможности доверительного общения. «Они поэтому неспособны объединяться в какие-либо сообщества или заключать союзы для того,

чтобы отомстить своим угнетателям и обуздать непомерную (*extravagant*) власть правительства, а также отстоять свои свободы. Мы видим, соответственно, что все страны, где приемлется полигамия, находятся под самым деспотичным и произвольным правлением (*despotic and arbitrary government*): Персия, Турция, государство Моголов, а также Китай... И поскольку само правительство деспотично, то и главы семейств наделены столь абсолютным и деспотическим авторитетом, какой только может существовать... ведь иным образом было бы невозможно сохранить порядок в государстве» [46, с. 154, см. также с. 449]. Деспотизм пронизывает восточные общества сверху донизу.

По отношению к деспоту все подданные равны, и в восточных странах нет наследственной аристократии. Например, «когда умирает паша... его дети удостаиваются не большего уважения, чем дети человека подлейшего сословия...» [Там же, с. 157]. Смит считает, что наследственная аристократия необходима для блага государства. Аристократы ограничивают королевскую власть. Кроме того, они способны противостоять внешнему врагу, если королевская армия потерпит от него сокрушительное поражение. В Европе после захвата территории врагом сопротивление ему продолжается. Например, турки не раз отступали с уже занятых ими венгерских земель, столкнувшись с подобным сопротивлением [Там же, с. 157–158].

В отличие от европейских государств, восточные страны могут подпасть под власть победителя в течение короткого времени. Грандиозные империи Кира Великого, Александра Македонского, Чингисхана и Тамерлана были созданы в результате нескольких побед в решающих сражениях. Причиной их скорого распада стало не сопротивление покоренных народов, а междоусобная борьба между наследниками завоевателей [Там же, с. 158].

Представления Смита о восточном деспотизме проступают и в его рассуждениях о рабстве. Он отмечает: «...рабство возникает во всех обществах с самого начала [их исторического развития], и возникает оно вследствие [человеческой] предрасположенности к тирании, которая, можно сказать, почти что естественна для человечества» [Там же, с. 452].

Понятие «рабство» имеет у Смита расширительное толкование. Рабство для него – зависимость личности, живущей в условиях отсутствия буржуазных прав и свобод, поэтому рабство как явление мыслительно не связывает исключительно с античным рабовладением, с исторически определенной стадией развития человечества. При помощи понятия «рабство» Смит описывает и общественные отношения в античности, и положение подданных восточных деспотий, и средневековую личную

зависимость крестьян, и современные ему американское плантационное рабство и русское крепостничество. Характеристики исторического развития России и Востока в рассказе Смита начинают переплетаться. Конечно же, для русских студентов было важно услышать мнение о крепостнической России со стороны. Как мы увидим, идеи, высказывавшиеся Смитом, да и сама жизнь в обстановке европейского буржуазного общества, оказали существенное воздействие на воззрения Третьякова и Десницкого.

«Мы склонны думать, – говорил Смит, обращаясь к студентам, – что рабство в наше время совершенно отменено, не учитывая того, что так можно сказать лишь о небольшой части Европы, не помня о том, что во всей Московии и во всех восточных регионах Европы, и во всей Азии, то есть на пространстве от Богемии до Индийского океана, в Африке и на большей части Америки, оно все еще используется. В действительности почти невозможно, что оно когда-нибудь будет везде и полностью упразднено» [46, с. 181]. Картина развития человеческой цивилизации, создаваемая Смитом, весьма далека от в общем-то радужных представлений большинства французских Просветителей. Подавляющая часть человечества, поглощенная властолюбием и эгоизмом, пребывает в состоянии беспросветного рабства. Где же выход?

Далее рассуждения Смита строятся следующим образом. Рабство экономически невыгодно, поэтому при демократической форме правления «...жизненные интересы [землевладельцев] приведут их к освобождению рабов и введению обработки земли при помощи свободных слуг и наемных работников...» [Там же, с. 186].

В деспотическом государстве представители низших сословий могут надеяться на просвещенного монарха, настроенного на прогрессивные преобразования. Тем более в России, где «...цари... обладают весьма значительной властью, однако рабство все еще используется...» [Там же, с. 189]. Ранее, в «Теории нравственных чувств» (1759), Смит дал емкую характеристику Петра I: «Можно ли представить пример менее человеколюбивого человека и более одаренного чутьем общественного блага...» [29, с. 241].

Реформы в пользу угнетенных не ставят власть государя под угрозу, поскольку для деспота все «... подданные – его рабы, что бы ни произошло; напротив, это может способствовать укреплению его авторитета, ослабляя влияние знати. Поэтому он своего рода беспристрастный судья, и таким образом чувство сострадания (*compassion*) может подвигнуть его к ослаблению власти хозяев [над рабами]. В связи с этим мы видим, что ни одной абсолютной монархии никогда не угрожало [восстание

рабов?], ни во владениях Моголов, ни в современной или древней Персии, ни в Турции...» [46, с. 182]. Речь идет именно о форме правления. Размышляя о праве подданных на свержение высшей власти, Смит утверждает: «...поскольку один человек намного сильнее подвержен... нелепостям [в поведении], чем большое собрание, то мы обнаруживаем, что революции... более часты в абсолютных монархиях, чем где-либо еще. Революции постоянно происходят в Империи Великих Моголов; турки редко живут под властью одного султана более 6 или 8 лет (хотя у них сохраняется все то же абсолютное правление). За прошедшие несколько лет в России было больше революций, чем во всей Европе за то же время. Глупость одного человека (т.е. монарха. – С.С.) подстрекает народ и оправдывает восстание [в его мнении]» [Там же, с. 323]. Под революциями Смит подразумевает государственные перевороты. В данном случае важно то, что Смит, как правило, в своих рассуждениях сопоставляет Россию с деспотическими восточными государствами.

Власть на Востоке деспотична, и тем не менее Смит признает высокий уровень экономического развития ряда восточных государств. Например, «в стране Моголов, где все ремесла и производства доведены до высочайшего совершенства, любая необходимая вещь может быть приобретена за гораздо меньшее количество денег, чем здесь. Хлопчатобумажные и шелковые ткани различных сортов, которые более удобны для носки, чем наши льняные и шерстяные, там очень дешевы, и если бы не высокие пошлины... мы были бы одеты трудами [жителей Империи Великих] Моголов в их... ткани, которые гораздо дешевле и лучше всего, что мы производим сами. Только эти пошлины поддерживают наших производителей», – утверждает Смит [Там же, с. 344; см. также: 19, с. 96–97; 24, с. 8–9, 16; 26, с. 3–4; 36, с. 85].

Каким же образом мыслитель разрешает противоречие между признанием высокого уровня развития экономик стран Востока (по сравнению с Европой второй половины XVIII в.) и постоянной критикой деспотической власти? С точки зрения Смита, это не то богатство, к которому следует стремиться европейцам. В европейской экономической мысли XVIII – начала XIX вв. выработывались иные ориентиры экономического роста. Смит считал: «щедрая оплата труда является... неизбежным следствием... и естественным симптомом роста национального богатства. Скудное существование трудящихся бедняков... служит естественным симптомом того, что страна переживает застой, а их голодание – что она быстро идет к упадку» [28, с. 69]. В соответствии с этими параметрами китайскую экономику Смит оценивает как находящуюся в состоянии «застоя» [Там же, с. 68]. Китай «...давно уже приобрел тот

максимум богатств, который совместим с характером его законов и учреждений» [28, с. 85], т.е. общественное устройство Китая препятствует росту его национального богатства. Заработная плата в Поднебесной на грани минимума для поддержания существования работника. Из застоя китайская экономика сможет выйти только «при наличии других законов и учреждений...» [Там же], в результате политических изменений в государстве.

При всем богатстве восточных стран Смит употребляет сочувственную характеристику: «несчастные страны». В этих «...несчастливых странах, в которых люди находятся постоянно в страхе от насилия высших, часто случается им зарывать и скрывать большую часть своих богатств... Такое явление... весьма обыкновенно в Турции, Индостане и, разумеется, в большей части азиатских государств» [Там же, с. 19]. О небезопасности прав собственности, сверхэксплуатации в Китае и Индии Смит говорит в «Исследовании» и далее [Там же, с. 84–85]. Причем деятельность Ост-Индской компании на Востоке не облегчила положения местного населения, поскольку компания присвоила себе функции восточного государя, оставаясь купцом¹ [Там же, с. 462–463].

И в «Лекциях», и в «Исследовании» Смит приводит один и тот же упоминающийся пример конкретного способа воспроизводства национального богатства, взятый у Монтескье («О духе законов», кн. XV, гл. 8) [22, с. 215]. На венгерских рудниках эффективный труд наемных работников облегчен применением техники, тогда как на расположенных поблизости турецких – выбивающиеся из сил «рабы», причем «...руки этих рабов являлись единственными машинами, которые турки когда-либо думали употребить в дело» [28, с. 495; 46, с. 526].

У Смита есть и незаметное на первый взгляд противопоставление Западной Европы и восточных обществ. Британский автор Д. Форбс обратил внимание: в «Исследовании» слово «*civilized*» никогда не использовалось Смитом в связи с Индией и Китаем, даже при том что, как очевидно, Смит высоко оценивал уровень их экономического развития [40, с. 190]. Скорее всего, для Смита, читавшего лекции по юриспруденции, само понятие цивилизации базировалось на идее гражданского права (*ius civile*) и гражданского общества. Интересно, что, в отличие от Индии и Китая, Россию, даже считая ее деспотическим государством (близким

¹ Смит весьма резко отзывался о «...неизменной жадности... купцов и промышленников, которые... и не являются и не должны являться владыками человечества» [28, с. 360; см. также: 37, с. 23], ведь интересы общества в целом выше интересов отдельного, пусть даже прогрессивного, сословия.

по типу к восточным), где царит крепостное «рабство», мыслитель оценивал более высоко, отмечая, что она наслаждается определенной «степенью порядка и спокойствия» [40, с. 191, прим. 13]. Таким образом, Россия в рассуждениях Смита занимает промежуточное положение между Востоком и Западом. Надежды на прогрессивные изменения в России (как и в странах Востока) Смит связывал с деятельностью просвещенных монархов и с реформами «сверху».

Усвоение Десницким и Третьяковым историко-философской концепции Смита и смитовской критики восточного деспотизма – это отдельная тема. В Россию Десницкий и Третьяков вернулись в период Екатерининской «оттепели». По инициативе императрицы Вольным экономическим обществом в 1766 г. был проведен международный конкурс сочинений по вопросу: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?». Победа на конкурсе была присуждена французскому автору Беарде де л'Абею (de l'Abbaye), выступившему за наделение крестьян правами на все виды собственности [23, с. 10; 34, с. 21–25] (а это предполагало необходимость ограничений и, возможно, постепенной отмены крепостного права). Французским экономистом, так же, как и Смитом, проводились параллели между крепостничеством и положением подданных восточных деспотических государств: «Воззрите на ужасное Оттоманской империи пространство, на неизмеримыя страны Турецкия, Персидския и на прочия места Азии... изучите прибытки Европы: повсюду найдете вы богатство и могущество на равном степени с вольностью и поощрением земледельцов и с благосостоянием крестьян; напротив чего бедность... суть всегдашний жребий варварских земель, где господствует еще рабство» [23, с. 22]. Характерно, что большинство членов Вольного экономического общества воспротивилось переводу на русский язык и публикации этой работы, и в печати она появилась только под давлением императрицы, лиц из ее окружения и либерально настроенных интеллектуалов (в числе членов Общества, поддержавших перевод и издание статьи, были братья Орловы, Р.И. Воронцов, Л. Эйлер) [34, с. 27–28].

В 1767 г. начала работать Комиссия о сочинении проекта нового Уложения и был опубликован «Наказ» Екатерины II. В атмосфере ожидаемых преобразований о своей общественной позиции Десницкий и Третьяков заявили очень скоро. Востребованными оказались не только их историко-философские, политические, но и экономические воззрения, почерпнутые у Смита. Современные исследователи уже неоднократно писали об этом, поэтому здесь, дабы читатель смог составить целостное

представление по изучаемому вопросу, имеет смысл напомнить лишь о главном.

Десницкий в 1768 г. подал Екатерине II «Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи». По его словам, он пытался «приноровить» идеи «барона де Монтескю» к российской действительности [12, с. 294, прим.]. В этой записке Десницкий выступил с критикой бесчеловечных проявлений крепостничества: «Противны человеколюбию, пагубны для государства, вредны самим помещикам ныне чинимые продажи крестьян в розницу или хотя семьями, но без земель» [Там же, с. 320]. Рекомендации Десницкого по экономическим вопросам, созданные под влиянием идей Смита, были включены в Дополнение к «Наказу», утвержденное императрицей 8 апреля 1768 г. (в главу XXII «О расходах, доходах и о государственном оных управлении, сиречь о государственном строительстве...») [подробнее см.: 38, с. 263–266; 39, с. 42–59].

Не остался в стороне от насущных проблем и Третьяков. В 1768 г. он собирался выступить в Московском университете с публичной речью на тему: «Происходит ли наибольшая польза в государстве от рабов или от людей свободного состояния и от уничтожения рабства» [17, с. 568]. Зная о содержании лекций Смита, нетрудно догадаться о том, в каком духе намеревался выступать Третьяков. Университетская администрация «скользкую» тему не одобрила, и им была прочитана речь об истории университетского образования в Европе (реальное авторство ее текста принадлежало Десницкому) [8, с. 84–86]. В своей речи «Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов...» (1772) Третьяков ознакомил российскую читающую публику с экономическими аспектами воззрений шотландского мыслителя. Речь представляла собой по большей части перевод или, точнее, пересказ соответствующих фрагментов из лекций Смита [ср.: 18, с. 147; 33, с. 353; 46, с. 333–334]. Разумеется, сам жанр речи позволил Третьякову кратко изложить лишь некоторые, показавшиеся ему наиболее интересными идеи. В частности, иллюстрируя рассуждения о «разделении трудов», как уже отмечали отечественные и зарубежные исследователи, Третьяков приводил почерпнутый у Смита знаменитый пример о булавочном производстве [38, с. 262, прим. 41]. Правда, ссылка на шотландского мыслителя в речи так и не прозвучала.

Деятельность Десницкого оказалась более плодотворной. В 1768 г. он выступил с обширной речью «Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции...». Оратор объяснял, что существует «натуральная юриспруденция». Ее цель – «...изыскивать причины,

которые действуют во всех государствах и суть основанием всех законов и правлений» [13, с. 202]. Десницкий ссылаясь на авторитет Смита, «нравоучительная философия» которого «ближайше с натуральною юриспруденциею соединена» [Там же]. Неудивительно, что намечая план преподавания «натуральной юриспруденции», он копировал структуру и содержание лекционного курса Смита.

Десницкий популяризовал одну из линий историко-философских размышлений своего учителя – концепцию стадийного развития человечества, с соответствующими каждой стадии способами присвоения природных благ или производства, уровнями социально-экономического, политического и культурного развития (как на источник этой концепции Десницкий ссылаясь на сочинения Юлия Цезаря, Тацита, Саллюстия Криспа, Аммиана Марцеллина и др. античных авторов, возможно, внушавших читателям в те времена большее почтение, чем их современник Адам Смит).

В «Слове о ближайшем и прямом способе к научению юриспруденции» Десницкий упоминал о существовании стадий развития человечества: «ловля зверей», «хлебопашество» и «купечество» [Там же, с. 205]. Оратор говорил о необходимости изучения форм правлений европейских государств, в том числе «правления февдального» (в лекциях Смит подробно характеризовал европейский феодализм) [46, с. 601]. Более подробно данную концепцию Десницкий изложил в своих поздних речах (1775; 1781). Предлагаемую схему общественного развития правовед считал универсальной: «...по оным четверояким народов состояниям мы должны выводить их историю, правления, законы и обычаи, и измерять их... преуспевания в науках и художествах» [15, с. 271]. Он утверждал, что на второй стадии развития (пастушеской или скотоводческой) «...находятся у нас скитающиеся юртами и ордами татары, калмыки и подобные сим бесчисленные народы под державою Российскою и в соседстве» [14, с. 260]. Эта концепция общественного развития была усвоена в отечественной литературе [3, с. 40, примеч. 2; 10, с. 30].

К проблемам же восточного деспотизма, собственности на землю, сопоставлению России и Востока Десницкий обращался неоднократно. Так, в «Слове о ближайшем и прямом способе к научению юриспруденции» (раздел «Рассуждение о родительской власти...») он местами практически дословно воспроизводил один из элементов смитовской критики восточного деспотизма, характеризуя семью у «варварских народов»: «...в таком состоянии и у таких народов отец думает о себе, что он не меньше есть как самовластен и самодержец над своими детьми и над своей фамилией»; «варварские народы» видят в длительной

жизни единственный источник опыта, поэтому уважают старших» [13, с. 223–225]. В качестве примеров Десницкий приводит обычаи «татарских народов», «арапов», ветхозаветных евреев [Там же, с. 226–227].

Интересна характеристика Китая. Основываясь на сообщениях иезуитов, правовед отмечает: «У китайцев ничто так не почитается за святость, как родительская власть над своими детьми. Они, когда хотят доказывать кому, коликую власть имеет китайской император, обыкновенно говорят, что она есть такая великая, какую и отец имеет у них над своими детьми. Ибо у них... отец и поныне имеет власть живота, смерти и продавать своих детей...» [Там же, с. 230–231; ср.: 16, с. 19–20].

Многие отечественные авторы и в первой половине XIX в. продолжали умиляться патриархальности китайского «правления». Десницкий же вслед за Смитом уязвляет патриархальность с деспотизмом. Кроме того, он утверждает, что и в современной ему России законодательство носит патриархальный характер, поскольку «...одно слово родителей в суде... в состоянии сына и дочь довести до кнута» [13, с. 230].

В 1780–82 гг. Н.И. Новиковым был издан первый том сочинения английского правоведа Вильяма Блэкстоуна «Истолкование аглинских законов...» (Commentaries on the Laws of England; 1765–69) в переводе и с примечаниями Десницкого. Книга издавалась по высочайшему повелению, что давало переводчику определенную свободу, которой Десницкий не преминул воспользоваться.

В работе Блэкстоуна присутствовали рассуждения о «деспотических и тиранских» правлениях на примере Османской империи («...власть там деспотическая находится в высочайшей степени и представляет самое ужаснейшее зрелище») [5, с. 365–366]. Критика деспотизма сопровождалась ссылками на Монтескьё [Там же, с. 2–3, 355–356; 6, с. 200–201]. Блэкстоун, рассказывая о временах Петра I, упоминал «...привыкший к самовластию Российский двор» [5, с. 323], таким образом становилось понятным: характеристика деспотизма относится не только к Османской империи, но и к России.

Собственные воззрения Десницкий высказал в примечаниях к тексту. Одно из них свидетельствует: он усвоил просветительскую концепцию восточного деспотизма. Ссылаясь на Д. Юма, Десницкий писал: при английском короле Генрихе VIII власть парламента была слаба, и обе палаты «...при сем Государе были в трепете, и как восточных монархов гнусные рабы похваляли в нем даже и самое бесчеловечие» [5, с. 137, прим.].

В 1780 г. Новиков издал выполненный Десницким перевод английского сочинения по агротехнике «Наставник земледельческий...» Т. Боудена.

Книга посвящена цесаревичу Павлу Петровичу «всенижайшим рабом Семеном Десницким» [7, посвящение, стр. не указана]. Конечно, это была лишь стандартная форма посвящения, однако человек, практически одновременно написавший о «восточных монархов гнусных рабах» и сам подписавшийся как «всенижайший раб», наверняка понимал, что современную ему Россию следует соотносить с Востоком.

На лекциях Смит указывал на причины, препятствующие росту национального богатства: рабство, необеспеченность собственности, неограниченный деспотизм власти. Зная об этом, легко понять, что подразумевал Десницкий в предисловии к книге Боудена: «В Англии никаких препятствий политических земледелию... нет, и обрабатываемая там земля повсеместно отдана в торг так, что всякой желающий может иметь оную безпрепятственно; от чего вся Великобритания зделалась повсеместным почти пахотным полем... Доходы там помещичьи и государственные поборы поземельные чрез то умножились во сто крат больше, и собираются... безнедоимочно всякой год. Не лъзя сперва таковых успехов ожидать от Российских хлебопашцев...» [Там же, предисловие, стр. не указана].

В данном случае у Десницкого не было прикрытия в виде высочайшего повеления или чужих мыслей, за комментариями к которым можно было спрятать собственные. Назвав ориентир для социально-экономического развития России – буржуазную Англию, где царят «вольность и собственность, написанныя на лице почти у всякаго Британца как природныя права...» [Там же, посвящение, стр. не указана; 11, с. 119–120], и подразумевая необходимость проведения реформ, Десницкий уходил от возможных обвинений в вольнодумстве и далее вел речь о важности изучения английской агротехники. Конечно же, посвящая книгу цесаревичу и ставя при этом ему в пример Петра I, он надеялся на инициативу преобразований со стороны будущего монарха.

Таким образом, сопоставление Смитом моделей развития восточных обществ и России, смитовская критика восточного деспотизма, сам круг просветительских идей, усвоенных на лекциях шотландского мыслителя, послужили катализатором собственных мыслей Десницкого о возможности реформ в России. Популяризованные Десницким идеи усваивались российской интеллектуальной элитой и заинтересованной читающей публикой, и это, в свою очередь, стимулировало аналогичные размышления отечественных авторов и читателей о необходимости преобразований в России.

О сочинении Блэкстоуна упоминает Радищев в «Путешествии из Петербурга в Москву» (глава «Подберезье»): «Не худо бы было заставлять судей наших иметь сию книгу вместо святцев, заставлять их чаще в не

заглядывать, нежели в календарь». М.М. Сперанский в одной из записок 1802 г., где намечаются контуры проекта реформ, пренебрежительно отзывается о Монтескье и Блэкстоуне [32, с. 20]. Отзыв этот неискренен. Скорее всего, он был нужен для того, чтобы защититься от обвинений в заимствовании вольнодумных идей. С их работами Сперанский был хорошо знаком. Аргументацию необходимости преобразований он во многом строит на доказательствах неэффективности деспотизма, «рабства», под гнетом которого пребывает население России («рабы государевы» и «рабы помещичьи»), отмечая сходство между властью царей и восточных деспотов, между Россией и Османской империей [30, с. 93–95].

Эта тенденция сохранилась в отечественной общественной мысли и позже. В 1815 г. Шторх в «Курсе политической экономии», продублировав многие места из «Исследования», также подчеркивал черты сходства между восточными деспотическими государствами и Россией и доказывал экономическую, а также политическую бесперспективность «рабства» (т.е. крепостничества) [35, с. 122].

Темы, так или иначе затронутые и популяризованные Десницким и Третьяковым, либо под влиянием Смита, либо в виде прямых заимствований из конспектов его лекций, – критика восточного деспотизма, представление о стадиях развития общества и о «февдализме», сопоставление моделей развития России и стран Востока, представление о бесперспективности крепостного «рабства» – в первой половине XIX в. заняли центральное место в размышлениях многих отечественных авторов. Этот комплекс представлений усваивался и политической элитой, что постепенно подготавливало идейную почву для отмены крепостного права «сверху».

Библиографический список

1. Абрамова И.И. Исторические взгляды Адама Смита: Автореф. ... канд. ист. наук. М., 1988.
2. Аникин А. Адам Смит. М., 1968.
3. [Артемьев А.А.] Краткое начертание Римских и Российских прав с показанием купно обоих, равномерно как и чинов положения оных историй, сочиненное Алексеем Артемьевым. М., 1777.
4. Бак И. Тюрго как экономист // Тюрго А.Р. Избр. экономические произведения. М., 1961. С. 3–26.
5. [Блэкстоун В.] Истолкования Аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по Всевысочайшему повелению Великой законодательницы Всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. 2. М., 1781.
6. [Блэкстоун В.] Истолкования Аглинских законов г. Блэкстона, переведенные по Всевысочайшему повелению Великой законодательницы Всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. 3. М., 1782.

7. [Боуден Т.] Наставник земледельческий, или Краткое аглинского хлебопашества показание. М., 1780.
8. Браун А. С.Е. Десницкий и И.А. Третьяков в Глазговском университете (1761–1767) // Вестник МГУ. Серия IX. История. 1969. № 4. С. 84–88.
9. Город в формационном развитии стран Востока / Отв. ред. Н.А. Симония. М., 1990.
10. Грацианский П.С. Десницкий. М., 1978.
11. Грацианский П.С. Политическая и правовая мысль России второй половины XVIII в. М., 1984.
12. Десницкий С.Е. Представление о учреждении законодательной, судительной и наказательной власти в Российской империи // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 292–332.
13. Десницкий С.Е. Слово о прямом и ближайшем способе к научению юриспруденции в публичном собрании Императорского Московского университета говоренное... июня 30 дня 1768 года // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 187–235.
14. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о начале и происхождении супружества у первоначальных народов... // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 257–267.
15. Десницкий С.Е. Юридическое рассуждение о разных понятиях, какие имеют народы о собственности имущества в различных состояниях общежителства... говоренное... апреля 21 дня 1781 года // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 268–286.
16. Записки, надлежащая до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. Китайцев, сочиненные проповедниками веры Христианской в Пекине. Т. 1. М., 1786.
17. История русской экономической мысли. Т. 1. Ч. 1. М., 1955.
18. Кросс Э. У Темзских берегов. Россияне в Британии в XVIII веке. СПб., 2006.
19. [Лист Ф.] Национальная система политической экономии. Сочинение д-ра Фридриха Листа. СПб., 1891.
20. Майбурд Е.И. Введение. Мир Адама Смита // Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. Книги I–III. М., 1993. С. 11–106.
21. Минутин Р. Образ России в творчестве Монтескье // Европейское Просвещение и цивилизация России / Отв. ред. С. Я. Карп, С. А. Мезин. М., 2004. С. 31–41.
22. Монтескье Ш. О духе законов. М., 1999.
23. Перевод сочинения, присланного в Вольное Экономическое Общество в ответ на заданный в 1766 г. вопрос: «Что полезнее для общества, чтоб крестьянин имел в собственности землю, или токмо движимое имение, и сколь далеко его права на то или другое имение простираться должны?»... Творец сего сочинения г. Беарде Делабей, доктор прав церковных и гражданских в Акене // Труды Вольного Экономического Общества, к поощрению в России земледелия и домостроительства. СПб., 1768. Ч. VIII, январская треть [№ 1].
24. Петров А.М. Азиатский способ производства и XXI век // «Геном» Востока: опыты и междисциплинарные возможности: Материалы к научной конференции ИМЭМО РАН и ИСАА при МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва, 12–14 апреля 2004 г.). Доклады в виде отдельных брошюр. М., 2004.

25. Петров А.М. Запад–Восток. Из истории идей и вещей: Очерки. М., 1996.
26. Петров А.М. Соотношение Запад–Восток глазами экономического историка. М., 1992.
27. Саблуков Г.С. От переводчика // Родословное древо тюрков. Соч. Абуль-Гази, Хивинского хана. Казань, 1906. С. IX.
28. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. М., 1962.
29. Смит А. Теория нравственных чувств. СПб., 1868.
30. Сопленков С.В. Дорога в Арзрум: российская общественная мысль о Востоке (первая половина XIX в.). М., 2000.
31. Сопленков С.В. Зарубежный Восток: вопросы экономической истории в политэкономической классике // Восток (Oriens). 2002. № 4. С. 145–149.
32. Сперанский М.М. Проекты и записки. М.-Л., 1961.
33. Третьяков И.А. Рассуждение о причинах изобилия и медлительного обогащения государств как у древних, так и у нынешних народов... говоренное июня 30 дня 1772 года // Избр. произв. русских мыслителей второй половины XVIII в. Т. 1. М., 1952. С. 353–360.
34. [Ходнев А.И.] История Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества. Составленная по поручению Общества секретарем его А.И. Ходневым. СПб., 1865.
35. [Шторх А.К.] Курс политической экономии, или Изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. Соч. Генриха Шторха. Т. 1. СПб., 1881.
36. Эволюция восточных обществ: синтез традиционного и современного. М., 1984.
37. Barber W.J. A History of Economic Thought. Harmondsworth-Baltimore-Ringwood, 1967.
38. Brown A.H. Adam Smith's First Russian Followers // Essays on Adam Smith / Ed. by Andrew A. Skinner and Thomas Wilson. Oxford, 1975. P. 247–273.
39. Brown A.H. S.E. Desnitsky, Adam Smith and the Nakaz of Catherine II // Oxford Slavonic Papers. New Series. 1974. Vol. 7. P. 42–59.
40. Forbes D. Sceptical Whiggism, Commerce, and Liberty // Essays on Adam Smith / Ed. by Andrew A. Skinner and Thomas Wilson. Oxford, 1975. P. 179–201.
41. Introduction // Smith A. Lectures on Jurisprudence / Ed. by R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein. Oxford, 1978. P. 1–42.
42. Oakley A. Classical Economic Man. Human Agency and Methodology in the Political Economy of Adam Smith and J.S. Mill. Aldershot-Cambridge, 1994.
43. Skinner A.S. Adam Smith: an Economic Interpretation of History // Essays on Adam Smith / Ed. by Andrew A. Skinner and Thomas Wilson. Oxford, 1975. P. 154–178.
44. Scott W.R. Adam Smith as Student and Professor. Glasgow, 1937.
45. Smith Adam // The Dictionary of National Biography. From the Earliest Times to 1900. Vol. XVIII. L., repr. 1949–1950.
46. Smith A. Lectures on Jurisprudence / Ed. by R.L. Meek, D.D. Raphael, P.G. Stein. Oxford, 1978.